

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Останься со мной!

РОСМЭН

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Останься со мной!

«РОСМЭН»

Воробей В.

Останься со мной! / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

Ви-джей Черепашка познакомилась с Женей Кочевником, талантливым поэтом и музыкантом, при чрезвычайных обстоятельствах, когда он собирался прыгнуть с крыши многоэтажного дома. Она уговорила его не делать этого, а позже, послушав его песни, пригласила на свою передачу «Уроки рока».

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Останься со мной!

1

Голос на другом конце провода звучал тревожно и настойчиво:

– Добрый день. Ваше имя Людмила Черепашина?

– Да, – ответила она, слегка опешив.

– Это «Служба спасения». Александр Торопцев. Заведующий отделом самоубийств. Телефон нам дали в редакции телекомпании «Драйв», – отрывисто и четко сообщили ей.

Люся хорошо знала, что номера сотрудников (а она, хотя и училась еще в школе, считала себя сотрудником молодежной телекомпании) дают посторонним людям лишь в самых исключительных случаях. Сердце, сбившись с ритма, сделало несколько болезненно-гулких ударов. Ноги в одну секунду стали ватными и обессилели. Как подкошенная рухнула она на стул, который, по счастью, оказался рядом. Внезапно Черепашка почувствовала, что ей не хватает воздуха. Мысли бешеным вихрем проносились в ее голове. Первой была: «Что-то с мамой!» Но словосочетание «отдел самоубийств» никак не соотносилось с мамой... Нет, это невозможно! Она успела подумать еще о чем-то, прежде чем сумела выдать из себя:

– Что случилось?

И так глухо и безжизненно прозвучал ее голос, что в первую секунду Люся даже его не узнала.

– Прежде всего успокойтесь. С вашими близкими это никак не связано. Вы можете оставаться дома. Это ваше право, – объявил тот, кто назвался Александром Торопцевым, и, слегка замедлившись, продолжил: – Тут, на крыше шестнадцатэтажного дома, подросток... По всей видимости, один из ваших фанатов... Он грозит броситься вниз. Сейчас с ним работает наш психолог, – отрывисто, словно каждым словом вколачивая гвоздь, говорил спасатель. – Он сказал, что не сделает этого, только если вы приедете сюда... Но повторяю: вы в праве не предпринимать никаких шагов... Подросток находится в состоянии аффекта и может в любую секунду привести свою угрозу в исполнение. Рядом со мной стоит его мать...

– Я все поняла, – уже более спокойно отзывалась Черепашка. Люся умела моментально мобилизоваться. Этому она научилась, работая на телевидении. – Диктуйте адрес. Я пишу.

– Не нужно. За вами приедут, – заверил ее спасатель немного потеплевшим голосом. Чувствовалось, что он был рад ее согласию.

Положив трубку, Черепашка метнулась в свою комнату. Ведь она никуда сегодня не собиралась и даже умыться еще не успела. Неожиданный звонок застал ее в пижаме и тапочках на босу ногу.

«Господи! Что же я скажу этому подростку? Смогу ли я предотвратить беду?»

Она не на шутку разволновалась. Натягивая джинсы, Черепашка с удивлением отметила про себя, что у нее даже руки дрожат.

«Я должна немедленно успокоиться! Ведь я ничем этому парню не смогу помочь, если сама буду дергаться! Хорошо, что там есть психолог. Он скажет мне, как себя вести!» – с надеждой подумала Черепашка и побежала в ванную.

Через пятнадцать минут в прихожей раздался настойчивый и продолжительный звонок. На пороге стоял высокий, широкоплечий мужчина в форменной одежде спасателя. На вид ему можно было дать лет тридцать.

– Готовы?

Его черные густые брови слегка приподнялись, а лоб прорезала глубокая продольная морщина. Голос у спасателя был чуть хрипловатый, будто бы простуженный, и Черепашка сразу определила: по телефону она разговаривала с другим человеком. Она коротко кивнула:

– Готова.

– Тогда не будем терять времени. Меня зовут Андрей Викторович. Можно просто Андрей. А вас – Людмила?

– Можно просто Люся, – подняла голову Черепашка. Она присела на корточки и от волнения никак не могла совладать со скользкими нейлоновыми шнурками кроссовок.

Андрей оказался молчаливым, хотя совсем и не угрюмым человеком. Его темные, почти черные глаза смотрели на Люсю приветливо и спокойно. Она первой прервала молчание, когда они под вой сирены и синие всполохи «мигалки» мчались по Ленинградскому проспекту.

– А что он вообще говорит, этот парень? – преодолевая непонятную неловкость, спросила она. – Ну, кроме того, что хочет меня видеть?

Впрочем, смтение, которое испытывала сейчас Люся, было вполне объяснимым. Ведь никогда раньше ей не приходилось попадать в такую ситуацию, когда от нее зависела жизнь другого человека.

– Сам-то он ничего не говорит, – вздохнул Андрей. – Стоит у самого края крыши. Ему сказали, что ты – то есть вы... – поправился спасатель, но Черепашка перебила его:

– Лучше «ты». Мне так привычней, ладно?

Андрей согласно кивнул и продолжил:

– Так вот, ему сказали, что ты согласилась приехать, и теперь он ждет. Может быть, и не верит... – пожал плечами Андрей. – А мать его рассказала, что его... кстати, этого парня Женей зовут... Короче, этого Женю бросила девушка. Он якобы ее безумно любит, и все такое... А девушка эта – твоя фанатка. И она поставила Жене условие, что если ты к ней придешь, то она его не бросит... По-моему, так. Хотя, возможно, я и напутал что-то.

– Бред какой-то, – тряхнула головой Черепашка, и от этого резкого движения ее очки в массивной оправе съехали на самый кончик носа. Привычным движением указательного пальца Люся отправила их на место.

– Бред не бред, – снова вздохнул Андрей, – а человек на краю крыши стоит.

И Черепашка уловила в его словах легкий оттенок осуждения.

– Я-то думала, он сам мой фанат... Вернее, мне так по телефону сказали... – принялась оправдываться Люся, хотя этого вовсе и не требовалось. Окончательно смутившись, она запустила руки в свои коротко, почти «под ежик», стриженные волосы и уставилась в окно.

– Он там какое-то письмо тебе написал, – будто бы не замечая состояния девушки, снова заговорил спасатель. – Психолог и так и эдак его обрабатывал. Клялся, что передаст тебе, но он и слушать ничего не желает. Хочет лично убедиться, что письмо попало тебе в руки. Такая вот история.

Чтобы не сказать чего-нибудь лишнего, Черепашка решила на этот раз промолчать. Да и что тут скажешь?

– Подъезжаем уже, – сказал Андрей. – А ты молодец! – неожиданно похвалил он Люсю и даже слегка потрепал ее по плечу.

2

Помимо машины «Службы спасения», той самой, на которой привезли Черепашку, здесь находились еще «Скорая помощь», машина с ярко-голубой надписью: «Реанимация», а также «Милиция», почему-то даже «Пожарная» и никак не менее десяти легковых автомобилей самых разных марок. Народу внизу собралось так много, что милиционеры были вынуждены поставить ограждение и теперь следили за тем, чтобы никто из любопытствующих за него не проникал. Среди толпы Люся выделила двоих парней с профессиональными видеокамерами.

Не успели они выйти из машины, как Андрей, подхватив Черепашку под руку, повел ее к одной из легковых машин темно-синего цвета.

– Привез, – отпартовал он, когда передняя дверца машины открылась.

– Вот и славно! – Из салона вылез высокий, с седеющими бородой и усами мужчина. Он протянул Люсе широкую ладонь и сказал: – Будем знакомы еще раз. Александр Торопцев. Там, на лоджии шестнадцатого этажа, с Женей работает наш психолог, – сразу приступил он к делу. – Я уже сообщил по рации, что вы подъезжаете, и ему это передали.

Только теперь Люся посмотрела наверх. Черный силуэт, кажущийся отсюда совсем игрушечным, четко вырисовывался на фоне ярко-голубого неба. Тот, кто стоял сейчас на самом краю крыши, был похож на солдата, какими в детстве играют мальчишки. Сходство это усиливалось еще и тем, что силуэт, как показалось Черепашке, был совершенно неподвижен.

Пока Александр Торопцев переговаривался с кем-то по рации, она растерянно оглядывалась по сторонам. И вдруг будто острая игла кольнула Черепашку в самое сердце: она испытывала сейчас что-то похожее на состояние, которое называют дежа вю. Недоуменным и каким-то испуганным взглядом Люся продолжала осматривать улицу, машины, встревоженные лица людей, дома... И в эту минуту ей показалось, что это все с ней уже однажды было. Черепашка почувствовала где-то внутри сосущий холодок, и вдруг за спиной, с той стороны, где за ограждением стояли собравшиеся на месте происшествия люди, услышала голос, который в первую секунду показался ей незнакомым:

– Люся!

Черепашка обернулась. И хотя народу вокруг было очень много, ее взгляд цепко выхватил из толпы одно-единственное лицо. Их взгляды встретились.

– Что ты здесь делаешь? – выкрикнул Геша. Его улыбка была слегка растерянной.

Но Черепашка не успела ответить, потому что в эту секунду кто-то с силой подхватил ее под руку и увлек за собой в сторону подъезда. И только в лифте, стоя рядом с Александром Торопцевым, Люся вдруг поняла, чем было вызвано то странное состояние дежа вю, которое она испытывала, стоя возле машины. Это был Гешин дом! Конечно, она бывала здесь, и не раз. Надо же, как в жизни бывает! Вот почему он удивился, увидев ее.

– Значит, так, никаких резких движений. Отвечай, если он о чем-нибудь спросит, ровным голосом, без выкриков. Ясно? – инструктировал ее Александр Торопцев. – Ты меня слушаешь? – засомневался он, заметив отсутствующее выражение ее лица.

– Да, да, – спохватилась Черепашка и поправила очки. – Я внимательно слушаю. Не делать резких движений, говорить ровным, спокойным голосом. – Она повторила указания спасателя в доказательство того, что она действительно слушает.

– Молодец! – Он удовлетворенно качнул головой, приглаживая свою седеющую бороду. – И во всем слушайся психолога. Никакой самостоятельности! От тебя сейчас зависит жизнь человека.

Надо сказать, что эти слова возымели действие. И еще какое! В одну секунду из Люсиной головы вылетели все посторонние мысли. Теперь она думала только о незнакомом ей подростке, жизнь которого, может быть, и вправду зависела сейчас от нее. И впервые за все время с

того момента, когда ей домой позвонил Александр Торопцев, Черепашка почувствовала страх. Тонкой струйкой вдоль позвоночника пробежал холодок. Девушка зябко передернула плечами.

Спасатель, видимо чутко уловив ее состояние, сказал:

– И главное, пожалуй самое главное – ничего не бойся.

Отсюда, с лоджии шестнадцатого этажа, им было не видно Женю. Тем более что психолог строго-настрого запретил Люсе свешиваться через перила. Женя тоже не видел их, зато слышали они друг друга отлично.

– Черепашка здесь, рядом со мной, – сказал психолог.

Они находились на лоджии втроем: Люся, Александр Торопцев и психолог.

– Пусть что-нибудь скажет! – слабым голосом потребовал Женя.

Люся вопросительно посмотрела на психолога. Тот едва заметно кивнул.

– Это я, Женя, – охрипшим от волнения голосом начала Люся. – Ты хотел, чтобы я приехала, и вот я здесь... Вообще-то меня зовут Люся, но все знают меня как ви-джея Черепашку. Я ведущая программы «Уроки рока».

Постепенно ее голос становился уверенней. Рука психолога лежала на ее плече, и от этого Черепашке было как-то спокойней.

– Перегнись через перила, я должен тебя увидеть, – потребовал вдруг Женя.

Люся испуганно уставилась на психолога и часто-часто заморгала. Тот уверенно кивнул. Тогда она повернулась спиной к перилам, психолог тут же схватил ее за ноги чуть ниже колен, и хотя эта предосторожность, возможно, и была излишней, но Люся даже не думала сопротивляться. Крепко схватившись обеими руками за перила, она легла на них и откинулась назад. Теперь они с Женей друг друга видели. Худощавый, бледный, со впалыми щеками и темными кругами под глазами, парень, конечно, имел болезненный вид. Его большие светло-серые глаза затравленно бегали из стороны в сторону, и от этого казалось, что поймать его взгляд невозможно.

– Да, это ты, – произнес Женя, немного помедлив. – Спасибо. – Похоже, это слово само вырвалось наружу, потому что, помолчав, парень вдруг резко заговорил: – Вот! – Он вытащил из-за спины жестяную, из-под чая, коробку. – Тут письмо. Там все написано. И адрес. Ее Маша зовут, поняла?

Черепашка кивнула, но, подумав, что Женя мог не увидеть ее движения, поспешно подтвердила:

– Поняла.

– Это все, – отрезал Женя. – Теперь стой там, я спущу тебе коробку.

Резко выпрямившись, Люся заняла нормальное положение и приготовилась принять груз. Она не знала, как Женя собирается передать ей свою коробку. Думала, что, скорее всего, попытается бросить ее на лоджию. Но тут она увидела, как сверху, привязанная к веревке, медленно опускается коробка.

– Взяла? – подал голос Женя.

– Взяла, – ответила Люся, вцепившись обеими руками в коробку, когда та опустилась до уровня ее головы.

Женя отпустил веревку.

– А что со мной будет? – вдруг совсем по-детски прозвучал сверху его голос.

В этот миг психолог резко рванул Черепашку за плечо и зашептал в самое ухо:

– Говори: «Ничего не будет. Просто пойдешь домой. С тобой никто ничего не сделает».

– Ничего не будет, – повторяла за ним Люся. – Ты просто пойдешь домой. С тобой никто ничего не сделает. – Она сама удивлялась тому, как уверенно звучит ее голос. – А как ты туда попал? – неожиданно для самой себя спросила Черепашка, на что психолог расширил глаза и испуганно замотал головой. Но вопрос уже прозвучал.

– По чердачной лестнице забрался, – неожиданно просто ответил Женя.

– Вот и спускайся теперь таким же макарон, – сказала Люся. Откуда-то в ней появилась уверенность, что сейчас она лучше психолога знает, что следует говорить. – Спускайся, – повторила она. – А письмо я твоей Маше отнесу. Прямо сейчас.

– А меня точно не схватят? – засомневался Женя.

– Точно, – уверенно подтвердила Черепашка.

В эту секунду она искренне верила, что именно так все и будет...

3

Люся не слышала слов похвалы и искреннего восхищения, которыми щедро осыпали ее Александр Торопцев и психолог. Ей даже уши захотелось заткнуть – до того неуместно все это было сейчас. «Как же так? – спрашивала себя Черепашка. – Как они могли так подло поступить с Женей?»

– Так нечестно! Я же ему пообещала! – Она даже не вытирала катящиеся по щекам слезы. – Ведь он поверил мне, а вы!

– Да пойми ты, – терпеливо объяснял ей Александр Торопцев. – Мы не имели права его отпускать. Такой закон есть. Ведь этот парень создал ситуацию, прямо угрожающую его жизни.

Под лестницей Женю ждала засада. Два крепких спасателя скрутили его по рукам и ногам, едва тот показался на металлической лестнице, ведущей с чердака. Впрочем, Женя не сопротивлялся. Его подносили к лифту в ту самую минуту, когда Черепашка в сопровождении Торопцева покидала квартиру на шестнадцатом этаже. Ту, с лоджии которой они вели с Женей переговоры. Они встретились взглядами – Женя и Черепашка. Нет, он ничего ей не сказал, но *так* посмотрел, что Люся поняла: этот взгляд она не забудет никогда.

– А куда его повезли? – Тильной стороной ладони Черепашка смахнула со щеки слезинку.

– В больницу, – сдержанно ответил психолог и добавил после паузы: – Психиатрическую. Да ты не волнуйся. – Он заглянул Люсе в глаза. – Должны же врачи убедиться, что повторения или, как у нас говорят, рецидива не будет. Как только станет ясно, что состояние Жени стабильно, его выпишут.

– Давай сюда коробочку, – протянул правую руку Александр Торопцев.

– Не дам! – испугалась Люся. – Я должна передать письмо Маше! Я обещала!

– Да передашь, передашь, – заверил ее Торопцев. – Но вначале нужно посмотреть, что там написано, и отнять письмо и саму коробку. Таковы инструкции.

Нехотя Люся достала из сумки небольших размеров жестяную коробку из-под чая, украшенную оранжево-черным орнаментом. Судя по стертой кое-где краске, коробка была очень старой. Внутри оказался сложенный вчетверо тетрадный листок: «Я тебя очень люблю, Маша. Останься со мной! Женя».

Вот и все. Всего лишь три предложения, выведенные неверной, дрожащей, судя по пляшущим буквам, рукой. На дне лежал клочок бумаги с написанным на нем адресом.

– Это где-то поблизости, – сказал психолог, взглянув на адрес.

– Да, тут совсем неподалеку, – подтвердил Торопцев. – Вон в тех домах. – Он махнул рукой в сторону автобусной остановки и достал откуда-то из-под сиденья фотоаппарат.

– А этой Маши здесь не было? – спросила Люся, после того как спасатель сфотографировал тетрадный листок с обеих сторон и вернул его на место.

– Порывалась, – криво усмехнулся психолог. – Да только мы не допустили этого. Известно, какая бы реакция была у Жени, окажись она здесь... Давай мы тебя подбросим туда? – предложил психолог. – Заодно и ребят наших заберем.

– А что, там тоже ваши люди? – искренне изумилась Черепашка.

– А ты как думала? – Александр Торопцев спрятал в усы самодовольную улыбку. – В таких случаях нужно все держать под контролем.

– Только меня не надо контролировать, ладно? – Люся строго взглянула вначале на Торопцева, а потом на психолога. – Я сама передам письмо Маше! Женя попросил об этом меня, а не вас!

– Ты чего раскричалась-то? – широко улыбнулся Торопцев, показывая крупные белые зубы. – Никто и не собирался тебя контролировать.

В эту минуту из подъезда, кутаясь в полушубок из искусственного меха, выбежала хрупкая, маленькая женщина.

– Спасибо тебе, деточка, – поблагодарила она, подойдя к машине, возле которой стояла Черепашка и спасатели.

«Женина мама», – сообразила Люся и почувствовала, как краснеет. Она не представляла, что нужно говорить в таких случаях, как себя вести. Не скажешь же «пожалуйста», «на здоровье» или «не за что»! Еще хуже прозвучит бравое: «Пустяки! О чем вы говорите? Каждый на моем месте поступил бы так же!» Ничего этого Люся, естественно, не сказала, лишь, окончательно смутившись, отвела взгляд в сторону. И в этот миг холодные пальцы женщины коснулись ее руки. От неожиданности Люся вздрогнула. Женщина протягивала ей белый, без рисунка, конверт.

– Что это? – невольно попятилась Черепашка.

– Тут немного, – замялась Женина мама. – Но ты возьми... купишь себе что-нибудь...

– Да вы что?! – искренне возмутилась Люся. – Уберите немедленно! Я что, по-вашему... – Она запнулась, потому что не знала, как продолжить начатую фразу.

На помощь пришел Александр Торопцев. Видимо, тому не раз приходилось оказываться в подобных ситуациях, потому что голос его звучал уверенно и твердо, хотя глаза смотрели на женщину из-под густых бровей снисходительно и немного устало.

– Татьяна Сергеевна, идите домой. Хотите, я вас провожу? А на эти деньги купите лучше своему Женьке фруктов. Ему сейчас витамины просто необходимы... – И, взяв смущенную и еще не оправившуюся от потрясения женщину под руку, спасатель повел ее к подъезду.

– А тебе, между прочим, медаль положена, – сказал то ли в шутку, то ли всерьез психолог, когда его коллега и Женина мама скрылись за тяжелой подъездной дверью. – За отвагу и мужество, – зачем-то уточнил он и заулыбался.

– Себе возьмите, – едва повернув голову в его сторону, бросила Черепашка.

– Да не дуйся ты! Все будет в порядке с твоим Женей! Давай залезай в машину!

И когда она, обойдя машину, уже открыла было дверцу, снова откуда-то сзади раздался голос:

– Люся!

Теперь Черепашка знала, кто ее зовет. А ведь она со всеми этими делами совсем забыла о неожиданной встрече! Немудрено вообще-то. Не каждый же день она спасала людей.

Нерешительно Черепашка направилась туда, где за ограждением все еще толпился народ.

– Привет, – сказала она и почувствовала, как внутри что-то оборвалось и упало вниз. – Ты знаком с этим Женей? – Люся старалась держаться так, чтобы Гена не заметил ее волнения. Впрочем, даже если заметит, нестрашно. Все можно списать на экстренность ситуации.

– Знаком, – не сразу ответил Гена.

И возникла пауза. В этот момент ее окликнул Торопцев. Он уже проводил, видимо, Женину маму до квартиры и сейчас махал Люсе рукой:

– Ехать надо!

– Иду! – крикнула Черепашка и хотела уже попрощаться, но он вдруг спросил:

– Значит, это ты его спасла?

– Ну, я же там не одна была, – неопределенно махнула рукой Люся и вдруг совершенно неожиданно для себя предложила: – Поехали с нами?!

И, ни о чем не спросив, Гена нагнулся, пролез под натянутой веревкой ограждения и, оказавшись рядом с Люсей, сказал:

– Поехали.

4

– Это мой знакомый. Его зовут Гена, – немного смущенно представила Черепашка своего спутника. – Он в этом же доме живет, – зачем-то пояснила она, хотя ни психолог, ни Торопцев никакого удивления не выказали.

И только теперь, когда психолог, протягивая Гене руку, назвал себя по имени-отчеству, Люся узнала, что его зовут Эдуардом Васильевичем.

«А ведь мы даже не познакомились, – как-то отстраненно думала она, глядя на мелькавшие за окном машины рекламные щиты. – Хотя это неудивительно. Там – это слово «там» даже в уме прозвучало с каким-то особенным значением, – там нам было не до знакомств».

Только теперь до Черепашки начал доходить весь смысл происходящего. Зачем она позвала с собой Гену? И что она ему скажет, когда они приедут к Машиному дому? Позовет с собой или попросит подождать у подъезда? А если подождать, то зачем? Что они будут делать потом, когда она вернется? О чем говорить? Да, права была ее лучшая подруга Лу. «У тебя, Черепашка, всегда так: сначала сделаешь что-то, а уже потом начинаешь думать: зачем же я это сделала?» – частенько критиковала она Люсю.

Вдвоем сидели они на заднем сиденье. После того как Гена познакомился со спасателями, он не проронил ни слова. Казалось, он тоже о чем-то напряженно размышляет.

«Может быть, жалеет, что согласился поехать со мной? – подумалось вдруг Черепашке. – Сколько же мы не виделись? Месяц? Или больше? – вспоминала она. – Осенние каникулы мы провели в Питере...» – не смогла сдержать вздоха сожаления Люся. И хотя времени с тех пор прошло совсем немного, ей сейчас казалось, что их с Геной осенняя питерская сказка случилась в далеком-далеком прошлом. И была ли она вообще? «А потом... Потом мы вернулись, и его дружок, этот скользкий тип Шурик Апарин, всучил мне свою мерзопакостную повесть... И все. А теперь уже вторая четверть заканчивается... Скоро Новый год...»

Внезапно прозвучавший голос Александра Торопцева вернул ее к действительности.

– Приехали. Вылезайте. Люсь, скажи нашим ребятам, чтобы спустились!

– И построже там с этой Машей. Ни в какие разговоры ненужные не вступай. Передай письмо и уходи, – напутствовал ее психолог. – А вечером я тебе позвоню, договорились?

Люся кивнула и увидела протянутую ей снаружи руку без перчатки. Второй рукой Гена предусмотрительно придерживал дверцу.

– И огромное тебе спасибо! Еще раз! – крикнул Торопцев. – Ты классная девчонка!

И когда Черепашка с Геной уже направились к дому Маши, психолог опустил со своей стороны стекло и выкрикнул:

– Черепашка, ты – супер!

Обернувшись, Люся увидела два оттопыренных пальца – большой и указательный. Это был рокерский жест, означающий «все – путем!». И она с удивлением подумала, что психолог Эдуард Васильевич, наверное, смотрел по телевизору ее программу.

– Веселые ребята, – по-своему прокомментировал выходку психолога Гена, набирая код подъезда. Тот был предусмотрительно указан на Женином листочке.

Сейчас Гена выглядел совсем сникшим, и эту фразу он произнес исключительно для того, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

Люся всматривалась в его ясные фиалкового цвета глаза и пыталась прислушаться к себе, понять свои чувства к этому человеку. Единственное, о чем можно было сказать наверняка, – Черепашка не испытывала к Гене ни злости, ни обиды... Пожалуй, она ничего к нему не испытывала. Видимо, в тот момент, когда Люся предложила ему поехать вместе с ней к Маше, в ней говорил подсознательный страх остаться один на один с незнакомой и, судя по всему, не вполне нормальной девушкой. Черепашке необходима была поддержка, плечо, на которое можно было

опереться в трудную минуту. Все-таки знакомый человек рядом... А денек выдался нелегкий! Тут уж ничего не скажешь...

Подойдя к нужной двери, Люся невольно прислушалась. Кажется, тихо... Помедлив, она нажала на кнопку звонка. Гена неловко переминался с ноги на ногу. Через несколько секунд им открыли. И хотя человек, стоящий на пороге, был без формы, Люся поняла, что это спасатель, а не кто-нибудь из родственников Маши. Она уже научилась определять этих людей по какой-то особенной решительности и жесткости во взгляде. Его коллега не замедлил появиться из комнаты.

– А мы вас тут уже заждались, – вместо приветствия сообщил он.

– А где же Маша? – спросила Черепашка, расстегивая куртку.

– Спит, – махнул рукой спасатель, тот, что открыл им дверь. – У нее была истерика. Орала тут... Пришлось сделать успокоительный укол. Так что вы, наверное, оставьте на столе это письмо или что там?..

– Нет, я подожду, – перебила Люся. – Я обещала Жене, что передам записку прямо Маше в руки. А что, ее родителей дома нет? – робко поинтересовалась Черепашка.

– В отъезде, – последовал ответ. – За границей, на отдыхе.

– Ясно, – протянула Люся. – Там, внизу, машина. Александр Торопцев сказал, чтобы вы спускались.

– Есть! – улыбнулся спасатель и приложил руку к виску, как бы отдавая Черепашке честь.

Второй парень оказался менее общительным. Все это время он молча стоял в дверном проеме, сложив на груди руки. По-военному быстро парни оделись, попрощались и уже было вышли за дверь, когда Люся спросила:

– А эта Маша... она вообще как? Ну... в смысле, что собой представляет?

– Обычная истеричка, – пожал плечами более разговорчивый спасатель и добавил: – Но она неопасная, не бойся.

– Чего мне бояться? – с оттенком обиды в голосе отозвалась Люся. – Просто спросила, чтобы знать, к чему готовиться.

Черепашка и Гена прошли в комнату, ту, из которой появился второй спасатель. Дверь напротив оказалась закрытой, и Люся подумала, что там, должно быть, и спит Маша.

«Квартира двухкомнатная», – про себя отметила Черепашка, устрояясь в глубоком, обтянутом ворсистой тканью кресле.

– Ты иди, наверное, – посмотрела она на Гену. – Неизвестно, сколько эта Маша еще проспит.

– Выгоняешь? – серьезно спросил он.

– Да нет, почему? – смутилась Люся. – Сиди, если хочешь...

– Сейчас бы чаю! – мечтательно глядя в потолок, произнес Гена.

Признаться, Люся и сама не отказалась бы сейчас от чашечки чая или кофе, но хорошо ли это – без разрешения хозяйничать на чужой кухне? Однако, поколебавшись с минуту, она поднялась:

– Ладно, пойдем. Думаю, Маша на нас не обидится.

Открытую пачку заварки они обнаружили на столе. Тут же стояли две чашки с недопитым чаем.

«Не мы одни такие!» – подумала Черепашка, решив, что это спасатели, успокоив разбушевавшуюся Машу, расслаблялись мирной беседой за чашкой чая. Пока Гена занимался электрическим чайником, Люся вымыла чашки.

«А ведь нам с ним даже поговорить не о чем», – с легкой грустью подумала она.

Тем временем Гена разливал по чашкам заварку.

– Я вот думаю, насколько все-таки человеческая натура... подлая, – усаживаясь за стол, глубокомысленно изрек Гена.

– Кого ты имеешь в виду? – удивленно подняла брови Черепашка.

– Себя, естественно. Кого же еще? Я-то думал, вообще не смогу тебе в глаза смотреть... А теперь – ничего... Сидим вот, чаек попиваем. – В его интонации слышалась горечь или даже какая-то злость. На себя самого, конечно.

Люся промолчала. Да и что она могла ответить?

Их роман был странным, удивительным и... трагическим. И состоял он из двух частей. Все началось год назад. Тогда Люся еще не работала на телевидении, не имела множества поклонников, фанатов, собственного сайта в Интернете, а была самой обычной школьницей, ученицей восьмого класса. Гена же учился в десятом. До него Черепашка ни с кем не встречалась. Он стал ее первым парнем и... первой любовью. Искренней и настоящей. Их школьный роман прервался тогда так же внезапно, как и начался.

Инициатором разрыва явился Гена. Тогда он увлекся Черепашкиной подругой – бойкой красавицей Лу Геранмае. Но встречаться с Геной Лу не стала, хотя ей очень этого хотелось. Причиной стало признание самого Гены. Оказалось, что с Люсей он закрутил роман не потому, что она ему действительно понравилась, а на спор. Со своим другом, Шуриком Апариным, Гена поспорил, что влюбит в себя эту хрупкую и, как считали все, не от мира сего девчонку. На кон Шурик поставил отличный, почти новый и совсем не дешевый снегоход. О таком Гена даже и не мечтал.

Познакомившись с Черепашкой ближе, он понял, насколько та искренний, ранимый и не похожий на остальных человек. Люся вызывала в нем симпатию, а подчас даже жалость, но не больше. А после похода в ночной клуб он понял, что влюбился в Лу, в чем и признался ей на следующий же день. Конечно, Лу не рассказала Черепашке ни о том споре на снегоход (зачем же так травмировать человека?), ни о том, что Гена предложил ей встречаться. Впрочем, будучи от природы чуткой и внимательной девушкой, Люся и сама поняла, что Гена «неровно дышит» к Лу. Причем увидела она это сразу, в первую же секунду знакомства Гены и Лу. А спустя неделю Черепашку с тяжелой депрессией положили в больницу. Оказалось, что к такому испытанию ее неокрепшая душа не готова...

А тем временем Лу встретила настоящую любовь, Костю, и о Геше Ясеновском даже думать забыла. Он же переехал с родителями в другой район. Теперь они с Люсей даже в школе не встречались. И она, признаться, была этому рада. После выписки из больницы у Черепашки началась новая, наполненная яркими событиями и впечатлениями жизнь. Ведь именно ее из всего множества претенденток выбрали на роль ведущей молодежной программы о современной музыке. В какой-то момент Люся искренне думала, что забыла Гену и свои чувства к нему. Однако, когда он спустя полгода вдруг неожиданно позвонил ей, она поняла, что ошибалась. Нет, Черепашка его не забыла! Слишком глубоким оказалось первое чувство. И любовь их вспыхнула с новой силой. И на этот раз она была взаимной.

Так началась вторая часть их романа. Правда, какое-то время Люсю терзали сомнения: а что, если Гена вспомнил о ней потому только, что она теперь знаменитость – ее даже на улицах начали узнавать? Конечно! Ведь теперь знакомству с ней любой парень был бы рад! А тут еще мама и Лу, как сговорившись, принялись ее в этом убеждать. И первый раз в жизни Черепашка поссорилась с мамой. Она даже из дома тогда ушла. Правда, на один только день, но все равно! Однако сердце не обманывало Люсю: Гена действительно ее любил. По-настоящему, искренне и преданно. И вовсе не из-за того, что она стала телезвездой... И казалось, нет на свете силы, способной разрушить их счастье. Так думала Черепашка.

А Гена знал, что такая сила существует! Все это время он жил в ожидании катастрофы. Это была бомба замедленного действия. Ведь сказано кем-то, что все тайное рано или поздно становится явным. Сколько раз он говорил себе, что надо во всем признаться Люсе. Самому обо всем рассказать. Говорил и собирался, но... не смог. Не нашел в себе силы. Не так-то просто признаться любимому человеку в подлости.

Тогда, полгода назад, рассказывая Лу о злополучном споре (кстати, выигранный снегоход Геша вернул Шурику, прямо под окна подогнал, и потом разорвал с ним все отношения), Гена скрыл от Лу самое, пожалуй, главное во всей этой неприглядной истории. Апарин поставил перед ним условие: он, Гена, обязан передавать Шурику все подробности их с Черепашкой отношений. Для чего Шурику это понадобилось? Для повести, которую тот собрался написать, чтобы отослать на литературный конкурс. И Гена, мучаясь поначалу угрызениями совести, а потом позабыв о них, в красках живописал Шурику все детали их с Черепашкой романа, а тот переносил их... в свою повесть. Шурик же получал от всего этого несказанное удовольствие, ощущая себя главным, хоть и незримым персонажем истории под названием «Черепашкина любовь». Иногда Геша действовал по его, апаринской указке, руководствуясь его «мудрыми» советами и наставлениями. Правда, повесть Шурика так и осталась недописанной и ни на какой конкурс он ее не послал. Но ведь все это было! И повесть, пусть и неоконченная, служила неопровержимым доказательством Гешиного цинизма и подлости. И об этом Гена не мог забыть ни на секунду. Ведь он лучше чем кто бы то ни было знал скользкий и завистливый характер своего бывшего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.